

Утро после бурной пьянки неизменно встречает раскалывающейся головой.

Юй Сингэ еще даже глаз не разомкнул, а уже сполз с кровати в тщетных поисках тапочек. Голова гудела так, словно в нее залили добрый килограмм паршивого, бракованного цемента, который намертво застыл тяжелым булыжником и никак не хотел растворяться.

Память у Юй Сингэ была хорошей, а обидчивость — деятельной. Помассировав занывшие виски, он тут же набросал в уме план мести: в ближайшие пару дней вытащить Чарльза и спойть его так, чтобы неповадно было.

"А, стоп. Я же твердо решил завязать с выпивкой"

Парень, привыкший держать слово, взъерошил непослушную шевелюру перед зеркалом. Сонный мозг со скрипом запустил мыслительные процессы, и как раз в тот момент, когда он выдавливал на щетку пасту, на него лавиной обрушились воспоминания о вчерашних хмельных чудачествах.

Под градусом человек определенно теряет бразды правления над собой.

Впрочем... Он прищурился. Из чистого зеркала, залитого ярким утренним светом, на него глядело растрепанное после сна чудо. Юй Сингэ улыбнулся своему отражению: нет, пожалуй, назвать это катастрофой все-таки нельзя.

В конце концов, сейчас не он один мучился неопределенностью — Чэн Цзие жаждал узнать его чувства ничуть не меньше.

Губ коснулась легкая ухмылка. Вкус мятной пасты в одно мгновение вернул его во вчерашний полумрак, где под тусклым, закатным светом ламп расстояние между ними сократилось до предела. В ту секунду он отчетливо видел собственное отражение в темных глазах Чэн Цзие. Его вокалист, всегда такой сдержанный, вдруг пошел напролом, наступая с непривычным, почти пугающим напором, требуя признания.

Редко когда Чэн Цзие позволял себе быть настолько напористым. От этого воспоминания в груди Юй Сингэ сладко заныло — проснулся азарт, горячий и будоражащий.

С мокрого стакана на гладкую столешницу бесшумно сорвалось несколько капель. Юй Сингэ сжал пальцы — влага мгновенно впиталась в теплую кожу, оставив после себя лишь едва уловимые, быстро исчезающие следы.

Все, на что Юй Сингэ когда-либо клал глаз, рано или поздно оказывалось в его руках. Он умел добиваться своего.

Парень со своей вечной обезоруживающе-солнечной улыбкой прищурился, глядя на отражение. На этот раз изгиб его губ получился лукавым, почти торжествующим.

"Хотя, если я попытаюсь съехать на то, что перебрал и начисто все забыл... Чэн Цзие наверняка взбесится. Да и выглядеть это будет жалко, будто я просто трусливо пытаюсь замять дело"

С педантичностью законченного перфекциониста он вернул стакан на место, выравнивая его по миллиметру. Щетка и тюбик пасты замерли под идеальным углом в тридцать градусов — безупречная геометрия утреннего ритуала. Удовлетворенно кивнув, он отнял руку.

"Нет, малодушие — не мой стиль"

Солнце сегодня припекало вовсю. Юй Сингэ быстро переоделся, попутно чертыхаясь про себя на коварную выпивку — из-за нее он провалялся в постели дольше обычного. Наведя порядок на столе, он собрал исписанные за последние дни нотные листы и аккуратно разложил их на крышке пианино.

Стоило ему задуматься, под каким предлогом теперь предстать перед Чэн Цзие, как тишину дома бесцеремонно нарушила дикая, невероятно назойливая какофония, донесшаяся с улицы.

Мелодией там и не пахло — сплошной балаганный перестук, звон тарелок да уханье барабанов.

Юй Сингэ скользнул взглядом по балконной двери, сквозь которую лился золотистый свет. Луч солнца выхватил из темноты настенный календарь. Черные иероглифы гласили: "Благоприятный день. Звезды сулят удачу".

Идеальное время для свадебного торжества.

Веселый шум колотил по ушам еще несколько минут, но, вопреки ожиданиям, головная боль у Юй Сингэ понемногу отступила.

Шагнув к балкону, он приоткрыл дверь и глянул вниз на улицу. Оказалось, мимо просто катился свадебный кортеж.

Яркое солнце щедро заливало переулок. Воздух уже прогревался, но все еще хранил утреннюю прохладу и аромат свежей росы. Капот головного лимузина украшало пышное сердце из белоснежных лилий, а шедшие следом гости шумно смеялись и перекидывались шутками.

Юй Сингэ невольно залюбовался этой картиной, и в груди у него что-то странно екнуло.

Пока он пытался разобраться в этой внезапной сумятице мыслей, тихо щелкнул замок на

соседнем балконе. Дверь приоткрылась, и на пороге показался Чэн Цзие — судя по всему, он уже успел прогуляться с утра. Их взгляды мгновенно встретились.

Балконная дверь замерла, оставшись полуоткрытой.

Оба застыли как вкопанные.

В памяти обоих разом воскресли события минувшей ночи. Напряжение сгустилось настолько, что нарушить молчание никто не решался.

Между ними пролегла та самая зыбкая, едва уловимая граница, перешагнув которую, они больше никогда не смогут называть друг друга "просто друзьями".

И пусть Чэн Цзие подбирал слова с предельной осторожностью, его вчерашние вопросы и сама манера держаться не оставляли сомнений. Сделать вид, будто ничего не произошло, мог бы только человек с тяжелой амнезией.

Юй Сингэ вгляделся в лицо мужчины. Из-за ослепительного полуденного солнца глубокие, почти черные глаза Чэн Цзие потеплели, впустив в себя золотистые искорки. Он не улыбался, но его взгляд светился такой мягкостью, что кружилась голова.

Сердце Юй Сингэ пропустило удар.

В глазах Чэн Цзие парень дрогнул — на ярком свете утаить смятение было невозможно. Юй Сингэ открыл было рот, силясь что-то произнести, но слова застряли в горле. В конце концов он лишь растерянно выдохнул:

— Гэ...

Он опустил взгляд своих каштановых глаз, руки его тоже растерянно повисли вдоль тела.

Этот жест был красноречивее любых признаний.

"Похоже, мне больше не нужны эти осторожные, взвешенные до мелочей стратегии, — подумал Чэн Цзие. — Все мои планы потеряли смысл"

Однако перед ним тут же выросла новая преграда.

Готов ли Юй Сингэ принять то, что осознал?

Хватит ли ему смелости сделать шаг навстречу этой любви? И в тот момент, когда все маски

будут сброшены, окажется ли его сердце достаточно твердым, чтобы безоглядно довериться этому чувству?

Чэн Цзие не знал ответа.

Наконец он поднял взгляд и негромко отозвался:

— Да.

Этому парню нужно дать время прийти в себя и во всем разобраться.

— У тебя сегодня уроки, — спокойно произнес он. — Если не хочешь опоздать, давай собираться. Поедем вместе.

Впрочем, они и без того всегда добирались вдвоем.

Его будничный тон казался идеальной броней. И пускай оба знали, что прежней легкой дружбе пришел конец, эту иллюзию пока стоило сохранить.

Их сердца до краев ломились от невысказанного.

И самое главное — каждый прекрасно знал, что эти чувства взаимны.

Юй Сингэ рассеянно коснулся мелких глянцевых листочков милана на балконном ящике и, не глядя на собеседника, тихо обронил:

— ... Хорошо.

Он упорно отводил взгляд, боясь столкнуться с Чэн Цзие глазами.

Чэн Цзие с трудом переборол порыв подойти ближе и обнять его. Силой воли заставив себя расслабиться, он разжал пальцы, лежавшие на перилах.

Спустившись во двор, они попали в объятия душного, ослепительно яркого полдня. На исходе лета Цичэн утонул в буйной, сочной зелени — в это время года город казался особенно живым. Мимо кучками проносились шумные студенты, а у старого газетного киоска хрипел динамик, прокручивая песни, которые стремительно сменяли друг друга на вершинах чартов.

Жизнь была ключом, и этот безумный ритм нового времени ощущался во всем — яркие, сочные краски будто заново проступали на пожелтевших от времени кадрах старой киноплёнки.

Чэн Цзие отчетливо ощущал спиной, как натянута струной спина сидящего позади него Юй

Сингэ. Тот ехал на мотоцикле неестественно прямо, старательно выдерживая между ними крошечный, но вполне осязаемый зазор.

"Что же сейчас творится в его кудрявой голове? — крутилась в мыслях у Чэн Цзие навязчивая мысль"

"Бегай сколько угодно, но ответ мне все равно нужен"

Ветер ласково шелестел в кронах деревьев. Юй Сингэ, так тщательно оберегавший эту хрупкую дистанцию, прятал за спиной Чэн Цзие тихую, едва заметную улыбку.

Теплый поток воздуха мягко обдувал лицо.

Солнечный зайчик прыгал по его щеке, словно пушистый золотой котенок, а мягкая улыбка продолжала блуждать на губах.

В учебном центре сегодня все шло своим чередом. Директор Лю Ин едва оторвал взгляд от бесконечных счетов и ведомостей, как тут же заметил неладное. Его друзья вели себя из рук вон странно: в каждом жесте, в каждом случайном движении сквозило такое натянутое упрямство, что Лю Ин невольно нахмурился.

Естественно, он и в мыслях не допускал, какая буря бушует в головах у этих двоих, застылавших как вкопанные при любой попытке заговорить друг с другом.

Стоило Юй Сингэ переступить порог класса, как до него донесся дружный гул голосов: ребята взалхлеб обсуждали новую киноленту, прогремевшую от южных провинций до самой столицы. От них так и веяло неумейной подростковой энергией.

Как только молодой преподаватель занял свое место у доски, галдеж неохотно поутих. Впрочем, Юй Сингэ отличался завидным терпением, и ученики давно считали его "своим парнем", так что спустя пару минут по классу снова поползли заговорщические шепотки.

Вот только сегодня ребята быстро смекнули: Юй-лаоши сам не свой.

В паузах между разборами аккордов кудрявый парень то и дело косился на дверь, а во время перерыва и вовсе застыл у окна с таким потерянным видом, словно его мысли витали где-то на другой планете.

"Что это с ним? — недоумевали притихшие ученики"

Подростки заговорщически переглянулись, строя безмолвные догадки.

После звонка самая смелая из девчонок решилась спросить напрямую:

— Учитель, да что вы там все время высматриваете?

Юй Сингэ вернул ей нотную тетрадь с не самым прилежно разобранным этюдом и лениво протянул:

— Тебе-то что за дело? Меньше знаешь, крепче спишь.

Девчонка лукаво прищурилась, решив поддразнить его:

— Неужели любимая девушка за вами пришла?

Впрочем, весь класс прекрасно знал, что парень абсолютно свободен.

— А вот и не угадала, — подмигнул ей кудрявый учитель. — Хотя... ладно уж, зачитаю за половину правильного ответа.

И стоило этой фразе сорваться с его губ, как в дверном проеме класса показалась высокая фигура Чэн Цзие.

Ученице посчастливилось воочию понаблюдать за виртуозным мастерством мгновенного преображения. Только что весело подшучивавший над ней учитель в мгновение ока изменился в лице. Разобраться в этой гамме вспыхнувших на его лице эмоций девочка бы точно не смогла при всем желании.

Она лишь озадаченно хлопнула ресницами.

Чэн Цзие понятия не имел, о чем Юй Сингэ беседовал с девчушкой, но отлично заметил, как дрогнули черты лица кудрявого парня, едва тот увидел его на пороге.

Внутри у Чэн Цзие все невольно сжалось от сладкого напряжения.

Однако спустя мгновение Юй Сингэ тепло прищурился, и его губы тронула мягкая, успокаивающая улыбка.

Окутанная потоками жаркого летнего солнца и тихим, доносящимся из соседних классов перебором гитарных струн, эта робкая улыбка выдавала его волнение с головой.

Все недомолвки этого утра, вся сковавшая их неловкость и торопливо отведенные глаза Юй Сингэ — все это внезапно обрело кристально чистый смысл.

Нежность, сквозившая в его взгляде, не требовала никаких лишних слов.

"Теперь все яснее ясного, — пронеслось в голове у Чэн Цзие"

Спускаясь по деревянным ступеням, они хранили молчание. Ни один не спешил нарушить это хрупкое безмолвие.

Вокруг разлился покой — мягкий и тягучий, точно разнежившийся на солнце ленивый кот в разгар сиесты.

День исходил душным, медовым зноем. У самой обочины в полную силу распустились бутоны дикого вьюнка, цветка, который Чэн Цзие когда-то назвал "вечерним ликом". Он рассказывал, что эти нежные чашечки распускаются на рассвете и бесследно увядают к закату. Тогда, слушая его, Чэн Цзие ловил себя на мысли, что совершенно пьян от улыбки этого кудрявого мальчишки.

И теперь, шагая по тем же ступеням, два человека, чьи сердца бились в одном ритме, безмолвно спускались навстречу залитой солнцем улице.

В конце концов Юй Сингэ решился нарушить тишину. Он благоразумно обошел стороной и утреннее замешательство, и странности последних дней, начав совсем с другого:

— Гэ, помнишь, я когда-то пообещал тебе, что напишу очень много песен?

"И каждую из них я хочу посвятить тебе"

Его голос, прозвучавший среди пестрого ковра вьюнков, обвивавших деревянные перила, долетел до Чэн Цзие чистым и ясным. В этих простых словах крылось гораздо больше, чем казалось на первый взгляд.

"Я хочу пройти с тобой рука об руку всю оставшуюся жизнь"

Чэн Цзие уловил эту повисшую паузу и тихо, но уверенно ответил:

— Настоящая, хорошая музыка не рождается без сильных чувств.

В густой изумрудной тени переплетенных стеблей вьюнка его мягкий голос полетел по пролетам лестницы, рождая едва уловимое эхо:

— Скажи, тебе не кажется, что для этого тебе не хватает одной... по-настоящему безумной любви?